

ГРИГОРИЙ ОСТРОВСКИЙ

В ПРОСТРАНСТВЕ ДИАЛОГА

Художник создает произведение, будь то картина или рисунок, скульптура или еще что-нибудь. Это его высказывание, обращенное, как говорили древние, к городу и миру — *urbi et orbi*. И конечно, больше всего ему хочется быть услышанным — сейчас или через двадцать лет; не верьте тем, кто уверяет, будто ему не нужны зрители и слушатели, — в таком случае процесс творчества теряет смысл. Искусство реализуется в диалоге "художник — зритель".

Художник всегда один; его имя в авторской подписи или в каталоге, а вот численность зрительской аудитории колеблется от вселенских масштабов до одного-единственного собеседника. У художника нет нужды в декларациях и манифестах: его работы говорят сами за себя и об ориентациях и ожиданиях автора. Примерно такая ситуация умозрительного диалога возникает при встрече с художницей Симой Консон из Ашдода, художницей очень непростой, со сложным и неординарным внутренним миром, к произведениям которой далеко не всегда применимы привычные понятия и определения.

Выпускницу легендарной петербургской "Мухинки" не очень-то притягивала стезя дизайнера, и с переездом в Израиль Сима всерьез увлеклась гобеленами. Впрочем, это название вполне условно и ничего не объясняет в тех причудливых созданиях, которые Сима Консон творила в своей мастерской. Из веревок разного диаметра и грубой мешковины Сима создавала объемные, нередко многосоставные пластические объекты и композиции, которые можно бы определить по ведомству скорее скульптуры и, во всяком случае, не гобелена в традиционном смысле жанра. О какой-либо сюжетной программе речь не идет; скульптура эта беспредметная,

ее коммуникативность исходит не из изображения, а из ассоциативного выражения каких-то немотивированных настроений, мыслей, образов, эмоциональных состояний, и этот подтекст, в котором доминируют драматические интонации, является производным от хитросплетений художницы - в прямом и переносном смысле слова.

Творчество Симы Консон - во всяком случае если наблюдать со стороны - представляется непредсказуемым. В гобелене, назовем это так, она получила определенное признание, выставлялась на многих престижных экспозициях, в частности в Лодзи (Польша), и вдруг - неожиданный поворот. Не громадные скульптоплетения под потолок, а графические и акварельные миниатюры размером со спичечный коробок, может, чуть меньше, может, чуть больше. Утонченная лаконичность как бы "недосказанных" композиций и графической манеры, культура цвета и линии, метафоричность образного мышления - это лишь то небольшое, что в первую очередь присуще миниатюрам Симы Консон. Физическое пространство диалога художника со зрителем сжалось и уплотнилось, словно

материя "черной дыры", и в то же время духовные параметры творчества расширяются. Сюжеты просты и бесхитростны: одинокий дом в поле, столь же одинокое, исхлестанное дождями дерево, неприкаянный путник в безлюдье, еще один дом, какие-то выдранные из быта предметы... Перечисление сюжетов

можно продолжить, но оно уже мало что добавляет; каждый из них затрагивает какие-то глубоко запрятанные струны, и они отзываются далеким эхом. Главное же в том, что диалог художника и зрителя состоялся.

На снимках: Сима Консон и ее работы
ФОТО: Б. КРИШТУЛ

